

Маргарита Лукашкина

МЕТАМОРФЫ

12+

Маргарита Евгеньевна Лукашкина

Метаморфы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63010623

SelfPub; 2020

Аннотация

Её жизнь была жизнью непримечательной травницы из глухой деревушки, когда в ней появились метаморфы. И все изменилось. Привычный уклад был разрушен тьмой и предательством. Как справится с этим хрупкая девушка, обнаружившая, что в её крови есть тьма?

Содержание

Глава 1. Встреча.	4
Глава 2. Тьма наступает	22
Глава 3. Разрыв	35
Глава 4. Мама	42
Глава 5. Тьма	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Глава 1. Встреча.

В лесу было холодно, я зябко ёжилась и куталась в шубейку, а корни той самой травы упорно не находились. Я уже час бродила среди деревьев, но видимо сегодня духи леса не хотели быть ко мне благосклонными. И вот, выйдя на опушку и побродив по ней в безуспешных попытках, я спустилась снова в лес и замерла. Передо мной стоял барс. Снежно-белый и потрясающе красивый, чуть поодаль из-за кустов вышла, кажется, волчица, отливающая серебром. Оба зверя уставились на меня, а я – на них. Затем я вдруг произнесла:

– Удачной дороги.

И развернувшись, продолжила свой путь. Сердце колотилось, как сумасшедшее, и я пыталась уговорить себя, что все будет нормально. Я ведь не трогала их и не лезла в их дела, и даже не нападала на них, а значит они не должны преследовать меня. Зачем им это делать? Я прислушалась к шуму позади себя, не сбавляя шага. Сзади было тихо, ни шага, ни дыхания. Не сдержавшись, я все же обернулась. Никого не было. Облегчённый вздох помимо моей воли вырвался из меня. Я ходила по лесу, раздумывая о том, что это странно, что барс, такой прекрасный и гордый зверь, бродит тут, в захолустье? Допустим, волк ещё понятно, здесь часто их видеть стали. Не нападают, просто видят людей и уходят. Кстати, как раз волчицу и видели... я призадумалась.

Забыв про всякие уже корешки, я решила двигаться домой, сегодня погода не радовала совсем, дул промозглый ветер и от него задубели руки так, что я не чувствовала пальцев. Неожиданно я словно почувствовала какую-то волну воздуха, едва не сбившую меня с ног и ещё холод, не такой, который был вокруг, а такой холод, от которого поднимаются волосы на ногах дыбом. Я поёжилась и беспомощно оглянулась, и даже вздрогнула, когда раздался волчий вой.

Та волчица... неужели что-то случилось? Что бы могла означать эта волна?

До дома оставалось совсем немного, когда вдруг передо мной выскочила та самая волчица, она резко затормозила, и мы пару мгновений смотрели друг на друга, а затем она подскочила ко мне и вцепилась в полу шубейки. Я дёрнулась, пытаюсь вырваться, но волчица явно не собиралась меня кусать, она тянула меня за собой. Первые мгновения мне захотелось оттолкнуть её любыми силами, но видя её какое-то отчаяние и слыша странное поскуливание, я сдалась, и мы понеслись по снегу в глушь леса. Она бежала впереди, иногда останавливаясь, чтобы посмотреть добежала ли я. Я спешила следом, мне было жарко, а горло обжигал холод, я взмокла и покраснелась наверняка, и меня мучили всякие мысли. Я и представить не могла, что может случиться с гордым и большим зверем настолько плохое, что его не смогла спасти волчица. И она попросила помощи у меня, маленькой травницы из глуши, сейчас скачущую по сугробам в рваной шу-

бейке не со своего плеча. А то, что помощь нужна именно ему, я почему-то и не сомневалась.

Мы неожиданно вылетели на полянку, волчица затормозила у дерева и, скуля, подползла к сугробу, и тихонько завывала, вся её поза вызывала боль и тревогу. Я медленно подошла, это был не сугроб, а барс, но его тело почти было не заметно на фоне снега, лишь, когда он раскрыл свои глаза и посмотрел на меня, я заметила его среди этой белизны. Я упала рядом с ним на колени в мокрый колючий снег, ему было больно, я почти физически ощущала эту боль, но меня больше терзало отчаянье. Я не могла ему помочь. Осмотр ничего не дал, никаких повреждений, а его дыхание становилось все слабее. А глаза бледнее... Что с ним? Что?

Волчица снова завывала, да так, что мурашки взметнулись вверх, я положила руки на тело барса и, закрыв глаза, поводила ими над ним. Станный способ, но говорят, у женщин есть чутье, и оно часто помогает лечить людей. Правда он не человек, впрочем, он и не похож на обычного зверя. Звери такого плана не ходят странными компаниями по заснеженному лесу и не воют так от боли и страданий, я думаю.

Я приоткрыла глаза и ойкнула, отдёргивая руки. Видение пропало. Просто тело, ничего больше, я снова прикрыла глаза и постаралась настроиться, как в первый раз. Приоткрыв глаза, я внимательно всмотрелась в то, что меня так напугало сначала. Тёмное пятно прямо напротив сердца, похожее на ураган. Оно кружилось, словно поглощая тело барса и на фо-

не его белой шерсти казалось ещё более темным. И оно становилось больше. Я не могла его коснуться, хоть и старалась.

– Не трогай его!

Я вздрогнула и, обернувшись, отползла немного в сторону. Среди деревьев появился парень, высокий и тёмный, он тяжело дышал и переводил взгляд с меня на барса, потом на волчицу и опять на меня. Я подняла в примиряющем жесте руки. В его руках было что-то... светящийся шар..? Похоже, он маг...

– Отойди от него, ты!

Я медленно начала подниматься с земли, следя глазами за шаром, направленным прямо на меня. Маг даже замахнулся, но вдруг передо мной встала волчица, словно бы защищая меня, и опять завывала, я опомнилась.

– Ему нужна помощь, но я не могу ему помочь.

– Помощь? – Парень нахмурился ещё сильнее и посмотрел на меня так, словно пытаюсь прочесть у меня лбу, вру я или нет, потом перевёл тяжёлый взгляд на волчицу.

– Да... Она меня сюда привела... к нему, но я не могу помочь ему, правда. На нем нет ран.

Про пятно тьмы я говорить не стала, это звучит слишком... странно, что ли? Нет, магия – это конечно здорово, но я не слишком опытна в этом деле и не могу сказать точно, что я видела. Может мне вообще показалось... парень, не слушая меня, потушил магический шар в своих руках и бросился к барсу. Осмотрев его, он видимо пришёл к тем же

выводам, что и я, потом снял с себя накидку и бросил мне, и подхватив браса, потащил его с опушки. При чём сделал это так легко, словно не нёс гигантскую кошку на руках, а просто прогуливался по лесу. Я присоединилась к нему, неся его куртку. Наверняка он наложил на себя какое-то заклинание, вряд ли бы такому не слишком выдающемуся силой парню удалось бы поднять барса без этого. Волчица неслышно бежала за нашей странной процессией.

Вскоре мы подошли к порталу, и парень вместе с волчицей просто скрылись в нём. Я задержалась немного перед ним, чтобы попытаться всё обдумать, но мне было слишком любопытно, да и к тому же я почему-то действительно переживала за этого барса. Портал принял меня как родную и схлопнулся за моей спиной, словно там никогда и не было сияющего круга-двери в другое пространство. Мы прибыли в точно такой же, по моему мнению, лес, только ветра тут было меньше и как-то тише, а я пришла как раз вовремя, чтобы застать злые слова мага и потерять от них дар речи:

– Ты глупая... – последнее слово потонуло в каком-то полустоне-полурыке.

Чего?

Я запнулась и уставилась на этого странного незнакомца, потом он, заметив мой возмущённый взгляд, лишь бросил «Это не тебе», чем привёл меня ещё в большее изумление и даже лёгкий испуг. Если не мне, так кому? Я обернулась к волчице, та прижала уши и выглядела весьма и весьма опе-

чаленной. Это он ей? Он разговаривает с волчицей? Похоже, парень где-то умом повредился, но я промолчала.

– Когда твой брат узнает, он тебе голову оторвёт и правильно сделает. – Опять начал бубнить маг, – а если он ещё узнает, что ты шашни с котом этим переростком замутила, так вообще...

Я молчала, понимая, что процессия и правда странная... И этот маг меня начинал пугать, мне уже не казалось такой уж хорошей идеей шагнуть за ним в портал. Кроме того факта, что он разговаривал с волчицей, так ещё и говорил с ней так, словно она разумное животное и что-то да понимает, ах да и ещё шашни водит с вот этим данным барсом. Ну все... надо уходить, пока ему деревья отвечать не начали... Волчица в ответ на его отповедь тихо зарычала.

– Я-то не расскажу, успокойся, думаю, он и сам сообразит, что к чему. Ну надо же было додуматься! А если он умрёт? – Парень обернулся к волчице и зло взглянул в её глаза. – Это будет на твоей совести, так и знай.

Дальше шли в безмолвии. Потом я начала словно бы отставать, планируя сделать вид, что запнулась, а потом и вообще потеряться.

– Не отставай, – когда мой план почти удался, парень поймал мой взгляд, – мне ещё понадобится твоя помощь. Она, – он кивнул на волчицу, – все равно пока ничем не может помочь.

План провалился, и я была, признаюсь, ужасно расстроена

этим, мне казалось, он совсем меня не замечает и слишком увлечён распинанием волчицы и своей ношей.

– Почему ты с ней разговариваешь? – Осторожно спросила я, поравнявшись с магом. Он был выше меня, тёмные каштановые волосы неопрятно свисали длинными космами, сзади перехваченными наполовину тонким ремешком, видимо, чтобы не лезли в глаза. Лицо было смугловатым и каким-то жестким, оно мне не нравилось, откровенно говоря, но все же это пока был единственный мой собеседник. Я послала волчице косой взгляд. С ней я пока я не собиралась разговаривать, до такого я ещё не докатилась, впрочем, волчице было не до меня.

– С кем?

– Ну с ней... – я смутилась, может, это я чего-то не понимаю, – она же зверь...

Парень посмотрел на меня очень внимательно, и вдруг ответил вопросом на вопрос:

– Ты думаешь, он тоже просто зверь?

Я осторожно кивнула, ну конечно я подозревала что-то тут не так, но все же не догадывалась, что именно.

– Это не так. Он метаморф, и она тоже.

– Метаморф? Что это значит?

– Это значит, что он человек, который по своему желанию может перевоплощаться в животное.

– В какое-то одно?

– Да.

– Как оборотень?

– Не совсем, но да...

– То есть она девушка на самом деле?

Я попыталась представить, что это не волчица передо мной, сверлящая меня взглядом голубоватых глаз, а девушка, которая может в любой момент сбросить свою шкурку, как в сказках и заговорить, и барс... я тоже перевела на него взгляд. Он станет парнем? Таким же... белым?

– Да, я же сказал, – раздражённо буркнул парень.

– Невероятно...

– О, да, просто магия, бум... – саркастически прокомментировал мой недовольный собеседник. – Беги вперёд, там впереди будет избушка, стучи туда и скажи Генри, что Саймона сейчас принесу, и он ранен.

Я кивнула и неловко побежала вперёд, куртка парня изрядно мешала бегу. Но я старалась, и больше всего боялась заблудиться, потому что это совсем не тот лес, который я знала. Это было совершенно другое место. Наконец, к моему облегчению из-за деревьев показался деревянный сруб, из трубы которого вился дым. Я, задыхаясь, примчалась и с грохотом обрушила свои кулаки на деревянную дверь. Мне открыли сразу, и там, на пороге, возник мужчина, больше похожий на лесоруба или кузнеца, чем на того, кто мне поможет помочь.

– Мне нужен Генри... там Саймон... он ранен.

– Что? – Глаза мужчины под густыми нахмуренными бро-

вьями сверкнули и снова потухли. – Где он?

– Он там с парнем в чёрном, кажется, магом... и волчица ещё. Они идут сюда, – оборачиваясь и показывая на лес, сообщила ему я. После он скрылся за дверью, оставленной незакрытой. Из дома пахло деревянной стружкой и ещё травами, совсем как в моей избушке. Дверь слегка скрипнула, когда я заглянула внутрь.

– Распахни дверь, – скомандовал мне Генри из глубины сруба, что я и сделала, сначала с любопытством заглянув внутрь. В избушке было тесновато, хоть и мало мебели. Я бросила куртку мага на табурет около входа, искоса наблюдая, как Генри подошёл к огромному столу посередине комнаты и одним движением смахнул все оттуда и расстелил на нем ткань, похожую на скатерть. Потчевать гостей что ли решил? Так ведь не вовремя... Я склонила голову, разглядывая, как он достает из такого же необъятного сундука с металлическим кованными застежками достаёт что-то и звенит какими инструментами. Неужто и правда лекарь?

– На нем нет ран, – вдруг почему-то сообщила я, все также стоя на пороге тёплой избушки и чувствуя себя несколько неуютно. Мужчина прервался и, разогнувшись, внимательно осмотрел меня с ног до головы:

– Правда?

– Да, я осматривала его...

Мужчина бросил копаться в сундуке и доставать инструменты, а вместо этого выудил холщовый мешочек и высыпал

на столешницу горсть разноцветных кристаллов. Часть оставил на столе, а часть расставил повсюду: на печи, на скамье, на табурете и около окна. К тому времени, как он закончил, из леса показалась волчица и за ней парень с барсом по имени Саймон.

– Генри, – кивком парень поприветствовал лекаря, тот не обратил на него внимания, даже принимая тело уже бессознательного барса и выкладывая его на стол. Я стояла, прикрыв дверь, и мялась на пороге, не зная, что делать. Вдруг дверь открылась, едва не задев меня краем, и на пороге появилась девушка, она куталась в короткую куртку, из-под которой виднелась длинная белая рубаха явно мужского кроя. Её лицо было заплаканным, пепельные распущенные волосы спутанными.

– Где Рэйн? – Её голос дрожал.

– Он на охоте, – не отрывая взгляда от барса, проговорил парень в тёмном. Она тихо всхлипнула. Похоже, это была та самая волчица. Маг не шутил? Она и правда превратилась в человека. Значит, они все... как он сказал? Метачего-то... в общем, как оборотни, только нет. Они все были так обеспокоены, на их лицах были страх и сомнения за здоровье друга. Это трогало моё сердце, но чем я могла им помочь? Генри установил кристаллы, и те сейчас кружили над телом барса, едва помещавшегося на столе, маг стоял неподалёку, переминаясь с ноги на ногу и оставляя мокрые следы от растаявшего снега на деревянном полу, волчица плакала. И вдруг я

увидела это снова. Тьма словно образовала дыру в его груди и высасывала из него что-то. Что это было? Я видела, как Генри словно пытается что-то сделать с этим, залатать эту дыру, но все без толку. И даже крикс талы, от которых тянулись тонкие ниточки светлой анергии, поддерживающей барса, не слишком ему помогали. Силы были не равны.

Это ураган пугал меня...

– Что это? – Мой голос прозвучал в тишине как-то печально и слишком громко, все обернулись ко мне, а потом раздался сдавленный шёпот девушки:

– Что ты видишь?..

– Воронку... чёрную... она словно высасывает из него жизнь... ты видишь? – Я обернулась к ней, её глаза вдруг расширились... потом она выпалила:

– Генри! Это поцелуй тьмы! Это не цветок!

О чем это она?

– Черт! Много уже? – Генри выжидательно посмотрел на меня, и я поняла, что боюсь этого всепоглощающего внимания со всех сторон, но меня вытолкали поближе к середине комнаты, где лежал барс.

– Что? – Слабо пролепетала я.

– Размер воронки какой? – Терпеливо уточнил у меня маг. Я оглядела барса, воронка занимала примерно всю его грудину и доставала до шеи почти. Я молча показала руками размер, а потом быстро отдернула руку, потому что воронка жглась. В прошлый раз, когда я пыталась нащупать её, она

была чуть тёплой, сейчас же жглась как уголь, выкатившийся из костра. Генри заковыристо выругался. Девушка зашлась в оглушающих рыданиях. Что-то шло совсем не так... Я беспомощно огляделась. Парень в тёмном стоял, сцепив руки, и на его лице отражалась боль. Видимо они не могли уже ничего делать, раз просто стояли, когда умирал их друг и любимый. Хм... в голове промелькнула идея. Я сбросила шубейку с плеч и попробовала снова коснуться воронки, она жглась сильнее, но все ещё терпимо. Я тянула руку к середине воронки, откуда бил скрученный луч жизненной энергии Саймона. Я смогла его коснуться, по ощущениям, это был тёплый канат. Когда я коснулась его, я почувствовала жар, любовь, трепетность, боль, словно сами чувства Саймона проходили через меня потоком. Мне даже казалось, я вижу обрывки его воспоминаний. Я прикрыла глаза, его душа... Да, наверное, это была она, и она словно билась в испуге, я протянула руку и коснулась маленького огонька, интуитивно погладила его, посылая ему лучи любви и спокойствия. Его энергия, она уходит, ещё немного и огоньку будет нечем питаться. Я обхватила этот канат и дёрнула изо всех сил, Саймон издал глухой полурык-полустон. Я дёрнула увереннее, канат поддавался, но...

– А нож есть? – Мой вопрос повис в воздухе, а лица окружающих отражали недоумение и страх, все смотрели на мои руки. Да уж...

– Зачем? – Рыдания девушки затихли ненадолго.

– Я... – я смутилась, пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить свою идею. – Я обрежу этот канат, чтобы он больше не высасывал энергию из него. И все...

– И все? – Генри, насупившись, посмотрел на меня, – это может убить его, но может и сработает... У нас все равно нет выбора, держи.

Мне вручили тяжеленный охотничий нож. Руки жгло сильнее, и я морщилась, когда снова пришлось погружать их в воронку тьмы. Я сильно дёрнула за канат вниз, словно пытаюсь сбросить какого-то человека, ползшего наверх. Канат поддался на мгновение, и тут я резанула ножом. Ещё мгновение ничего не происходило, но воронка ослабла, а потом растаяла совсем. А барс в одну секунду словно задёргался на столе, из его пасти потекла кровь, зверь словно пытался соскочить со стола. Я отшатнулась от него в испуге. Но он дышал... тяжело с хрипотцой, но дышал.

– Саймон! – Крики слились воедино, его все тискали и обнимали, и напряжённость, стоявшая в избушке, растаяла в тот же миг. Они были счастливы. Внутри кольнула зависть, у меня таких друзей сроду не было, чтобы в огонь и в воду...

– Он будет жить, – утирая скупую слезу, сообщил Генри, подтверждая мои собственные мысли, – помят, но жить будет...

Следующей для обнимания оказалась вдруг я... Меня грубо сжали в тисках, от чего мои ребра, признаюсь, были не в восторге, я охнула и когда меня все же перестали хло-

пать по спине и плечам и поздравлять, слиняла из избушки на улицу, выдохнуть. Там я с наслаждением сунула руки в снег. Они не выглядели обожжёнными, но все равно саднили. Я не знаю, сколько сидела за избушкой, я уже стала подмерзать, когда вдруг позади раздались шаги, я резко встала, руки были красными от снега. Передо мной стоял высокий парень в темной одежде с мехом, его лицо было перекошено от гнева, и он в ярости сжимал кулаки. Увидев меня, накал его страстей поубавился.

– Здравсте... – тихо поприветствовала я его, вспомнив о приличиях, а сама подумала, как потактичнее уйти уже из этой компании.

– И вам того же, – он отвернулся, затем все же вернулся ко мне взглядом, – это ты спасла что ли Саймона?

– Да... – кивнула я, опуская взгляд долу.

– Спасибо... – его сдержанное «спасибо», кажется было, куда большим внутри, и я подарила ему улыбку и отвернулась, снова опуская руки в снег.

– Ты здесь ещё долго будешь? Холодно же...

– Там слишком шумно и... радостно.

Я надеялась, что моя заминка не будет замечена, поэтому просто продолжала разглядывать снег. Вдруг на плечи лёг тулуп, я удивлённо приподнялась.

– Это похоже надолго, ну шумно и радостно, – он послал мне внезапно веселую улыбку, и я робко улыбнулась в ответ, – возвращайся скорее, хорошо? А то замёрзнешь, да и

мы будем ждать тебя.

– Ждать? – Я была озадачена. С чего бы им меня ждать?

– Ну да, ты теперь наша героиня, не можем мы тебя просто так отпустить. Впрочем... если бы не некоторые, то всего можно было избежать... – словно снова надевая маску гнева, проговорил парень, – но как есть, так пусть и останется.

С этими словами он ушёл, я смотрела ему вслед, машинально поправив сползающий тулуп. По-моему, это тот самый Рэйн, пронеслась мысль, который брат волчицы. Интересно, он тоже волк?

Я ещё некоторое время простояла на улице и все же рискнула вернуться обратно, где меня ожидал новый мир, встретивший меня улыбками и одобрением. Этот новый мир был потрясающим, и он поглотил меня на долгие месяцы. Моя избушка была теперь моим пристанищем только на ночь, а все оставшееся время я проводила у них, куда меня любезно переправлял тот вечно недовольный и хмурый парень по имени Лойель. Обычно мы оставались либо в доме у Генри, либо в доме у Лейлы, той волчицы, и её брата Рэйна. Саймона отправили отдыхать и восстанавливаться куда-то далеко, и я почти о нём не слышала сначала. Потом правда Рэйн отобрал у Лойеля какой-то магический шар, и с помощью него я могла отправлять Саймону сначала записки, а потом целые письма. Писала я не то, чтобы быстро и грамотно, но старательно.

Я наслаждалась каждым днём. Я была шаманкой и трав-

ницей, но это не афишировала, впрочем, у кучи метаморфов как-то не было к ним неприязни, а вот к темным – да. Кто такие эти тёмные конкретно, и что их отличает от нормальных людей, я не слишком поняла, а уточнять не стала, потому что я и так просила все разжёвывать, чтобы понять, и Рэйн периодами смотрел на меня как на несмышлёного ребёнка. А мне это не нравилось, мне хотелось выглядеть перед ним самым лучшим образом.

В последнее время мы с Рэйном проводили много времени вместе. Гуляли, смотря друг на друга и даря глупые улыбки, но первое время, когда ещё с его уст не снизошли слова о симпатии ко мне, мы просто бродили по заснеженному лесу и разговаривали. Тогда я и узнала о темных подробнее. Это был какой-то культ, как я поняла, который занимается запрещённой и не очень хорошей магией. Эта магия весьма разрушительна и требует много энергии, а в качестве носителя энергии для своих очень больших и энергозатратных экспериментов – они ловят метаморфов, а их и так не очень много, и они редко открываются кому-либо. Боятся. Вот то, что было с Саймоном, – это было проклятие, которое высасывало его энергию и передавало им, напитывая их его жизнью. Звучало жутко. В других случаях они обычно просто похищают метаморфов, и тогда они уже не возвращаются обратно. Никогда. Как мне удалось прервать столь опасный и дико сложный процесс – не знаю, но видимо, как сказал Генри, у меня просто не было осознания, что не получится, и я

не знала, что это сложно. Потому и получилось. Рэйн считал меня феей добра, чем вызывал каждый раз у меня улыбку.

Рэйн... да, за эти седмицы, что мы прогуляли вместе и проболтали, мы так привязались друг к другу, что его признание лишь открыло нам новые горизонты и сблизило нас ещё больше. Однако я так и не ответила ему «Я тебя тоже», просто не смогла. Он нравился мне, это была правда, но не до такой степени. Конечно, я решила не акцентировать на этом внимание и просто позволила всему идти так, как будет. Потом был первый поцелуй и ещё один, и ещё. Нам было хорошо вместе. Лейла шутила, что мы точно нашли друг друга, потому что она никогда не видела своего брата таким счастливым. Счастье все длилось и длилось и, казалось, ему не будет конца.

Но у всего бывает конец.

Он настал в снежный вечер. Снег шёл весь день, покрывая новыми слоями деревья перед моей избушкой, сейчас же только редкие снежинки кружили над землёй и медленно ложились на сугробы. Я тихо напевала и пряла нить, было тепло и тихо, когда посреди этой тишины раздался стук. Деревенские часто приходили ко мне по вечерам, потому без страха или удивления я встала и открыла дверь. На пороге стоял высокий парень, закутанный в плащ с шарфом из грубой вязки на шее, из его рта вылетали клубы пара. Я задумалась, но никак не могла его вспомнить.

– Чем могу помочь?

– Аселия? – Парень стянул капюшон и с тёплой улыбкой взглянул на меня, он был худощав, лицо с острым подбородком, измождённые черты лица, словно после долгой болезни, голубые глаза и тёмные короткие волосы. Но я все ещё не узнавала его.

– Да... а вы?..

Кого он мне напоминает? – Мелькало в голове, но я никак не могла понять, кого...

– Я Саймон.

Глава 2. Тьма наступает

Я замерла, глядя уже совсем другим взглядом на него. Саймон? Никогда бы не подумала, что такое худощавое тело может превратиться в гигантскую белую кошку. Если Лейла и Рэйн хоть немного советовали своим реальным обликам и животной наружности, то тут совпадений не было никаких. Ну может только глаза...

– Саймон? Это ты?

– Да, – снова тёплая улыбка.

– О, боги, – я босиком кинулась к нему и обняла, на плечах его был снег, мне было холодно и зябко, но мне так хотелось, наконец, увидеть его реального, а не слушать о том, как у него все хорошо где-то там. Его объятия были нежными, и даже, по-моему, нежнее, чем у Рэйна порой.

– Спасибо. – Тихий шёпот в самую макушку, все-таки он куда выше меня и даже выше Рэйна. Я хихикнула и подняла на него голову, было немного странно вот так стоять и обнимать его, а руки он с меня не убирал. Его лицо было так близко, он осмотрел меня своими тёплыми, как летнее небо глазами.

– Хм... а ты красивее, чем мне рассказывали о тебе. – Я смутилась, отступая... – Что же мы тут стоим?

Лёгким движением меня подняли на руки и перенесли внутрь. При чём Саймон сделал это всё так непринуждён-

но и словно знал, что я не буду протестовать и кричать, что я тут мол невинная девица, к которой пришёл малознакомый гость. Мне нравилась его странная уверенность, что он все делает правильно, признаюсь, у меня мелькнули мысли о том, что вот этой кошачьей грации не хватает Рэйну и вот этой уверенности тоже. Меня осторожно поставили на пол, прикрыли дверь, и он начал снимать одежду. Он был высок и складен, но всё же из-за болезни, наверное, так худ, что мне искренне захотелось его накормить. Впрочем, без верхней одежды он мне нравился даже больше.

– Нравлюсь? – Поймал мой взгляд Саймон, смутив меня, и я отвернулась к печке.

– Голоден?

– С удовольствием съем все, ты же готовила. – Он прошёл и сел за стол, наблюдая за мной с какой-то странной улыбкой, от которой у меня дрожали руки, и я едва не уронила горшок с щами.

– Помочь? – Я вздрогнула от испуга, и помощь мне всё-таки понадобилась, я почти все уронила. Как он так бесшумно передвигается? – Прости, я не хотел тебя напугать.

– Но напугал... – Сердце билось как сумасшедшее, я прижала к груди руку, слушая, как оно трепещет внутри.

– Прости, – его рука задержалась на моем плече, пожалуй, дольше, чем стоило, прежде, чем он убрал её, помогая мне накрыть на стол.

Ели в тишине. Мне периодами и правда казалось, что

сквозь него просвечивает его вторая натура, столько грации было в его движениях, столько игривости во взгляде. Ни дать, ни взять большой кот.

– Я тебя совсем по-другому представляла, – наконец, закончив нагло разглядывать его, сообщила ему я.

– Правда? – Не поднимая глаз, осведомился пожиратель третьей тарелки щей.

– Да... просто ты же белый в другой ипостаси... – я смутилась от чего-то, – да и в письмах ты мне тоже по-другому представлялся.

Его хитроватые глаза все же оторвались от тарелки.

– Оригинал лучше преставлений или хуже?.. – Он едва сдерживал улыбку, я тоже улыбнулась ему в ответ.

– Лучше.

– Я рад. Как я уже говорил, мне тебя примерно так и описывали, но забыли добавить, что ты так красива...

Саймон так говорил это, словно это было так обыденно. Даже Рэйн и тот говорил мне это всего пару раз за все время нашего знакомства, а тут... видимо, он и правда так считал. Как приятно...

– Ты правда считаешь меня красивой? – Мне не терпелось узнать ответ. Он помолчал, вытер губы и задумчиво наклонил голову, словно осматривая меня. Я напрашивалась на комплимент. Это было нечестно, и он это знал и, эта игра сводила меня с ума.

– Да. Длинные волосы, очень приятные наощупь, вкусно

пахнешь, вкусно готовишь, добрая, улыбчивая и тёплые золотые глаза. Ну сокровище же.

Я поняла, что краснею, и явно сильнее, чем в прошлые разы. Я попыталась встать и уйти из-за стола под предлогом уборки посуды. Но мне не дали, Саймон успел поймать меня за руку, наклоня ближе к себе.

– Ты просто очаровательна... – прошептал он, потом его рука осторожно коснулась моей щеки. – Если бы не твои письма, я бы сошёл с ума в этом лазарете, там крошечная скука была. Признаюсь, ты скрасила многие деньки мне... – Его ладонь была горячее, а глаза словно гипнотизировали меня. – И я все ещё не поблагодарил тебя за спасение моей жизни...

Сердце пропустило удар, ещё один... он поцеловал меня. Не в губы, а куда-то в уголок губ, чем вызвал оторопь во всем моем теле. Это было неправильно и правильно одновременно. Рэйну понадобились недели, чтобы я поняла, что немного симпатизирую ему и недели же, чтобы он решился на что-то серьёзное взгляда, и то только с моего разрешения и стеснения с обеих сторон. А тут... никогда не думала, что меня будет тянуть к кому-то с такой силой, и этот почти украденный поцелуй, сказал мне больше, чем Рэйн за все эти недели.

Я отодвинулась, разрывая контакт с Саймоном. Он смотрел на меня и улыбался, он не смутился и даже не чувствовал себя виноватым, просто он сделал, что хотел, и ему нравилось, а теперь он наслаждался результатом: смущённой и

растерянной мной. Но он не настаивал, будто бы поняв что-то, и дальше держался на расстоянии со мной. Оставшийся вечер прошёл без инцидентов, он не касался меня, хоть порой и поглядывал так с интересом, и признаюсь, мне хотелось от него больше настойчивости, но я даже не подавала виду. К ночи он ушёл, напоследок сжав мою руку сильнее, и я успела ответить ему тем же, на что он замер, и как-то очень внимательно оглядел меня. Мне показалось это очень важным моментом, поэтому в тишине ночной я подошла к нему и обняла напоследок.

– Удачи.

Мне казалось, что этим я словно даю ему разрешение на что-то, что не должна... но мне этого так хотелось, в голову лезли умные мысли, но я отгоняла их, глупо и счастливо улыбаясь вслед уходящему Саймону. Видеться с Рэйном не хотелось, я чувствовала лёгкую вину по отношению к нему, с остальными – тоже, поэтому я не пошла к ним, весь день просидев дома и втайне надеясь, что он вернётся.

И он вернулся.

На следующий вечер Саймон пришёл снова, разговор был ни о чём, хотя иногда он поглаживал мою руку так осторожно кончиками пальцев. Но я не забирала её, хотя, как гласила моя совесть – должна была. Я не заметила, как разговор зашёл о его спасении.

– Расскажи, как у тебя это получилось, раз уж даже Генри, наш верный спаситель побитых молью шкурок, не спра-

вился, – я расхохоталась от такого описания Генри и отпила глоток тёплого травяного чая.

– Даже не знаю... вот, когда я тебя в первый раз увидела, – я бросила на него взгляд, – я... увидела над тобой словно пятно тёмное... я думала, мне показалось. А потом, когда Лойель перетащил тебя к Генри, он был похож на тёмный ураган, а из него бил луч света...

Я затихла, вдруг вспомнив тот день, у меня могло не получиться, и тогда бы он не сидел тут.

– Ты его видела?

– Да, как тебя сейчас. – Я отогнала плохие мысли в сторону и снова выпила чаю. – Я отрезала луч света и все. Ты пришёл в себя...

Мне стало грустно от этого рассказа, всё же мысли не оставляли меня в покое, я повыше натянула плед на себя. Саймон сидел рядом, смотря в бревенчатое окно, и увидев, что я кутаюсь все больше, он придвинулся на кровати, где мы сидели, попивая чай, приобнял меня и подбадривающе сообщил:

– Никто так не может, ты знаешь? Даже Генри и то не видит так хорошо их... эту тьму... никто, кроме тебя.

– Это плохо? – Я повернулась и заглянула ему в глаза, мне вдруг стало страшно.

– Не думаю.

Мы помолчали, потом разговор снова вернулся к этой теме, но Саймона интересовали детали, наверное, в душе он

был исследователем, потому ему это было так интересно и, хотя половину деталей я не могла вспомнить, ему все равно это нравилось, и он слушал это почти с восторгом. Уходя, он долго стоял на пороге и держал мои руки в своих, чем смущал меня невероятно, но рук я не забирала.

– Ты настоящее сокровище, так и знай. И никогда не сомневайся в этом.

Он чмокнул меня в макушку. Пару раз он уже проделывал это, и это было куда проще воспринимать, чем поцелуй в щеку или что-то ещё. Он уходил, а я все стояла и думала о том, что я ему нравлюсь. Мысленно я испытывала стыд от того, что я ничего до сих пор не сказала Рэйну, и даже радовалась, что так и не сказала ему о своей симпатии. Потому что после этих двух вечеров я всё равно забрала бы свои слова обратно... Саймон покорило мое сердце. Впрочем, возможно я была не права. Я ждала завтрашнего вечера.

Но он не пришёл. И на следующий день тоже. И на следующий.

Прошла седмица, но ко мне не приходил никто: ни Рэйн, который часто это делал без повода, ни Лейла, ни Саймон – никто. Меня это не на шутку встревожило, но связаться с ними сама я не могла. Тот шар, что позволял мне отсылать письмо Саймону в лазарет, я отдала уже, а больше никакого средства связи у меня не было. В голове я перебрала кучу вариантов событий, и самая страшная из них была, что их все же поймали... если они уж напали на Саймона тогда, то

могли напасть и ещё раз... было жутко. От всех этих мыслей мне стало так страшно, я тихонько оплакивала уже умерших в моих мыслях друзей. В темноте ночи, в холоде я зябко укуталась в три одеяла и роняла горькие слёзы. Мне было так одиноко, что не передать словами, и очень страшно, а потому стук в дверь вызвал у меня дикую панику и желание поглубже закопаться в одеяла. Но стук повторился снова и снова, и я все же вылезла из-под тёплых одеял в холод дома. Мурашки захватили моё тело, когда я осторожно подошла к двери и открыла её, оттуда в дом ворвался холодный воздух и лунный свет. Стало холодно так, что застучали зубы.

На пороге стояла высокая фигура, она обернулась ко мне – Саймон... луна ярко освещала меня, но его лицо оказалось скрыто от меня.

– Аселия?... ты чего? – Он подхватил меня на руки, когда я кинулась к нему несмотря на холод и расплакалась, обнимая так, словно он и правда вернулся с того света. Саймон ловко зашёл внутрь и как-то в темноте закрыл дверь. – Ну чего же ты, сокровище моё...

– Я думала, вы все погибли... – сквозь всхлипы удалось все ж мне сообщить ему. Я не отпускала его ни на секунду, искренне радуясь тому, что, прикрывшись слезами, могу беззастенчиво обнимать его и наслаждаться его объятиями и поглаживаниями.

– Ты вся дрожишь...

– Просто никто не приходил ко мне, и я испугалась, что

вас поймали тёмные...

– Да?... подожди, я сниму одежду.

Я отстранилась, подождав, пока он снимал шарф и плащ, размазывала слезы по щекам. Потом он в полумраке нашёл меня и крепко прижал к себе. Его лицо было не слишком видно, но мне это и не надо было, мы сидели вместе, обнимаясь, и я была так рада, что он жив, и он со мной.

– Прости... прости, что не пришёл раньше. Переживала, да?

Я кинула.

– Я не мог раньше...

– Почему?

Я обняла его за шею, приникая ближе, мне хотелось быть с ним, быть частью него... Мысленно я сделала уже свой выбор.

Саймон затих, его руки нежно и ласково обнимавшие меня ещё секунду назад, замерли, и мне захотелось зажечь свет и посмотреть на его лицо.

– Потому что меня не пускали.

Другая? Я хотела оттолкнуть его, отступить, но он не дал, все также прижимая меня к себе, я отклонилась немного, все же пытаюсь разглядеть хоть чётточку в промозглой тьме.

– Кто?

– Все... поэтому я тут... – его голос был обречённым и печальным. Что-то было не так, а его объяснения так и не сделали ситуацию понятнее, хотя мне было легче, что это не

женщина.

– Что-то случилось?..

– Да.

Я вздрогнула. Мне не хотелось знать ответ, он был печальным, но все же, наверное, стоило.

– Скажи мне. – Мой голос был тих, а повышать его не хотелось.

– Я.. я не хочу... это я виноват в этом. Во всем этом. Если я не стал...

Саймон снял меня с колен, встал, сделал несколько нервных шагов и, наконец, в бессилии опустился на скамью, его голова была опущена в ладони, а спина сгорблена, словно он был стариком. Что же случилось? Я ведь думала, что он нестигаем, что он бесстрашен, но видно и у таких, как Саймон, есть слабые места. Интересно, какое его слабое место?

– Скажи. – Я старалась, чтобы мой голос звучал ласково, и в нем не так чувствовалась тоска, гложущая меня изнутри.

– То, что ты видела тьму во мне, которая меня поглощала, это признак того, что... – Голос Саймона был гулким, тихим и безжизненным, он судорожно вздохнул. – Что ты тёмная. Не целиком, а где-то возможно кто-то из твоих родственников был таким, вот и все... я подумал, что это так здорово, это может спасти столько жизней и так помочь нам, метаморфам. Глупец! – Он встал, его глаза сверкали, – но когда я рассказал об этом нашим с тобой друзьям, они... они запретили мне с тобой общаться, сказали, что раз в тебе есть

тьма, то... то ты тёмная, и ты тоже опасна...

Сердце бухнуло, стало дурно, голова вдруг стала такой чужунной, я схватилась за неё, Саймон пересадил меня к себе на колени и сжал в объятиях.

– Прости... прости, что я такой дурак. Прости, что говорю тебе это. Прости, что твои друзья отреклись от тебя и послали меня сообщить, что они больше не хотят тебя видеть... прости, что я им сказал...

Сердце ухало в груди. Голова гудела, но страх пропал. Страх был перед неизведанным. А тут... а тут все было очень даже понятно.

– Ты тоже так считаешь..?

– Нет. Что ты, – его ладони коснулись моей щеки. – То, что в твоей крови есть тьма, не делает тебя темной.

– Я хочу услышать это от них.

– Что?

– Пусть они мне сами это скажут... в лицо.

– Ты уверена? – Саймон повернул мою голову к себе. Я кивнула и прижалась к нему губами. Наш первый серьёзный поцелуй был солёным от моих слёз, с привкусом внутренней боли и отчаянья. Мы словно утопающие хватались друг за друга в этом запойном поцелуе. Мне было страшно.

Я одевалась на автомате и в темноте, в темноте же мы покинули мой домик, и он перенёс меня к дому Рэйна и Лейлы, и когда мы зашли внутрь, к нам навстречу с улыбкой вышла сама Лейла, а потом и ее брат. Только их улыбки погасли.

На тишину повёлся и Лойель, случайно затесавшийся у них, и Генри. Как мне повезло. Я сложила руки на груди, обвела их взглядом, особенно остановившись на Рэйне, но он отвёл глаза.

– Слушаю.

– Слушаешь что? – Делегатом выступила Лейла.

– Вы послали Саймона мне кое-что сообщить, так вот я хочу, чтобы вы это сказали лично.

Лейла бросила взгляд на Саймона, что я стоял рядом со мной, потом вернулась ко мне и произнесла.

– Как скажешь. Прости, но тебе больше тут не рады. Ты тёмная и скрывала от нас это.

– Я даже не знала об этом! – Всплеснула руками я в ответ.

– Как об этом можно не знать? – Вступил Лойель, – тьма пришла бы за тобой ещё раньше, а может ты шпион тьмы?

– Что?.. – Какая нелепость... – Зачем мне тогда помогать Вам?

– А что? Это очень логично, – теперь уже Рэйн смотрел на меня не симпатизирующим взглядом, а осуждающим и очень печальным. – Прости, но это правда. Тебе здесь не рады.

Это было больно. Ладно, Лейла, мы общались, но у нас никогда не было действительно тёплых с ней отношений, хотя она мне и нравилось, а вот Рэйн... больно. Мне стало тяжело дышать, грудь сдавило.

– Просто уходи и все.

Я бросила беспомощный взгляд на Саймона. И вдруг по-

няла, что он разрывается между мной и друзьями, с которыми уже целую вечность. Мне хотелось, чтобы он выбрал меня... Как же мне этого хотелось.

– Саймон, ты с нами или как? – Припечатала Лейла, и в её голосе был яд. Я знала, что ей нравится Саймон, очень нравится, но то, что Лойель тогда в первый день нашего знакомства назвал «шашнями» не было тем, о чём я подумала. Лейла предпочитала молча восхищаться Саймоном издалека, даже не намекая ему о своих чувствах. И сейчас, похоже это была ревность... дикая ревность... – Саймон?

Я видела в его глазах боль и то решение, которое он бы все равно принял. Сердце резануло болью. Я выбежала в холодную ночь.

– Аселия! Прости... я...

– Хватит!

Обернувшись, я взмахнула рукой, на снегу перед его ногами образовалась шипящая прогалина.

– Хватит. Ты сделал свой выбор. – Слезы застилали мне глаза, в теле чувствовалась слабость. – Отправь меня домой.

Молча я перенеслась к своему домику и проследовала к кровати, где и закончила свою ночь также, как и начала – слезами по утраченным друзьям и отчаянием.

Глава 3. Разрыв

Мои дни снова вернулись к жалкому подобию существования. Я сидела в домике, собирала травы и помогала людям с хворями. Ни Саймон, ни Рэйн, ни кто-либо ещё не являлся ко мне. Первые дни мне было больно, странно и одиноко. Но я смогла пережить это, переступить практически, просто не думать так часто и много об этом и жить дальше. Да и работа с деревенскими помогала отвлечься. А её вдруг стало многовато...

Марлина пришла ко мне уже второй раз за неделю, с её сыном творилось неладное, и она не знала, что... мальчишка чувствовал себя плохо и симптомы были, как у отравления, если бы не тот факт, что он раньше практически не болел и вообще был очень здоровым по жизни. В первый раз я долго ломала голову, так и не зная, что с ним, я не сталкивалась с таким, но потом мне вспомнился один случай. Когда Саймон лежал в лазарете, ему запретили обращаться в свою вторую ипостась, и кто-то из них тогда сказал, что это добавит новых симптомов лишь ему, потому что в звериной шкуре он поправится ещё быстрее. А если ему запрещать организм начнёт бунтовать. Так что может быть?..

– Метаморф? – Устало уточнила я, ночью поспать не удалось, опять снилось что-то жуткое. Так что к лирике и тонкостям я сегодня не была предрасположена. Марлина испуган-

но глянула на меня, потом как-то обречённо кивнула. Много их, и что-то часто они стали мне встречаться. Наугад уточнила. – Волк?

Опять кивок. Так вот кого видят все же соседи по лесам. Волчицу и волчат.

– Нормально обращается? Проблемы есть?

Марлина кивнула, опуская глаза.

– Он не может обратиться... у него не получается...

В голове снова пролетели разные обрывки знаний о метаморфах, об их строении, все, что я могла услышать.

– Догадки есть?

– Наверное, из-за споров с братом... они часто соревнуются, и у старшего выходит лучше.

Она озабочено выглянула в окно, и я посмотрела вслед за ней, Алек бегал по снегу со своим братом, медленно с отдышкой, но бегал. Я пыталась вспомнить, кто мне говорил об этом: Саймон или Рэйн.

– Ладно, Марлин, давайте сделаем так, вот вам травы, они тонизирующие и успокаивающие, а Алеку скажите, что она поможет ему перевоплотиться. Ему это необходимо, его организм бунтует.

– Похоже... я не сталкивалась с таким ещё. А вы неплохо разбираетесь даже в этом.

– Просто удалось познакомиться поближе с несколькими метаморфами, – я выдавила из себя улыбку.

Пока она одевалась, я провожала её взглядом, мальчишки

были все в снегу, румяные с мороза, я улыбнулась им. Хорошенькие такие. Когда они уже почти ушли, я сказала им вслед:

– Не выходите за деревню, я слышала там были тёмные, – мальчишки испуганно переглянулись, теснее прижимаясь к матери, Марлин побледнела, но все же кивнула. – Я поставлю барьеры вокруг деревни так, что все будет нормально...

– Спасибо тебе...

Они ушли, я, зевая, отправилась спать. Спала я долго и, слава богам, без снов, затем меня затянули домашние хлопоты, и лишь после обеда я вспомнила про своё обещание. Я оделась и вышла из домика. Барьеры ставились долго, я до самого вечера ставила и ставила по кругу их, только и думая о том, как спасти двух волчат и их маму, которые живут в моей деревне, и за которых я теперь отвечаю. Когда барьеры были сделаны, я устало шла вдоль одного из них, чтобы проверить стык конца и начала защитного круга. Барьерам научил меня Лойель, как маг, специализирующийся на защите от темных и всем, что с этим связано. Мысль о друзьях заставила меня поморщиться и ускорить шаг, но ноги заплетались, и я, спотыкнувшись о корягу, полетела вперёд, не удержав равновесие. Мою левую руку обожгло болью, я коснулась в полете барьера, да не просто так, а всей поверхностью ладони. Я встала с земли, шипя от боли и трясая рукой, на ней начали проступать волдыри. А кулон, к которому была привязана барьерная ешь, неистово сокращался. Я снова за-

шипела, но уже от другого чувства и снова шархнула по барьеру рукой. Боль ударила с новой силой, почти роняя меня на колени, я держала руку словно горящую огнем... барьер от темных же... Неужели всё таки?..

Сзади раздался тихий скулёж, сквозь слезы я обернулась и увидела улепётывающих волчат. Вот черт... до дома я добралась быстро, потому что почти летела в избушку, да и разговор от боли на руке постоянно нужно было поддерживать, а иначе руку жгло. Но едва я зашла внутрь, на пороге распахнутой избушки появилась Марлина, её лицо было перекошено от боли и страха, и увидев меня, она некоторое время просто стояла и сверлила меня взглядом.

– Ты тёмная. – Наконец выдавила она из себя сквозь зубы.

– Лишь капля, – раздражённо бросила я.

– Это не так уж важно.

– Разве? – Сейчас я была зла, а она злила меня ещё больше, руку дёргало, а отвар и мазь мало помогали, так как вся ладонь была покрыта волдырями. Ух угораздило же меня... чёртовы метаморфы, что б вам...

– Твоя мама всегда была странной, очень странной. Якшалась с темными, точнее с одним... Да, ты очень на него похожа, – я прервалась и обратила на неё внимание. – А твоя бабушка её покрывала. – Горечь и яд, сочившиеся из уст женщины благодарно обнимавшей меня совсем недавно, дававшей лечить её детей, сжали моё сердце ещё большей болью, словно заново я переживала предательство, но теперь и уже

не друзьями...

– Она не якшалась...

– Тогда твоя бабка!

– Я помогала тебе.

Марлин отвернулась на секунду, но снова вперила в меня яростный взгляд, она была на грани перевоплощения:

– Ты обманула нас. Теперь уходи. Уходи и никогда больше не возвращайся сюда. Ты... иначе, – волчица развернулась, собираясь покинуть мой дом, и напоследок добавила, из её рта вырвалось почти рычание, – иначе ты здесь не выживешь, и все узнают о том, что в тебе тьма.

Она ушла. В избушку залетал холод и снежинки, и даже рука перестала болеть так сильно, но хотя возможно просто боль внутренняя, терзавшая меня, была гораздо больше и ярче, чем та, что охватила мою руку. На то, чтобы собрать вещи у меня ушло не так уж много времени, после этого я легла спать. Снов не было, я словно плавала во тьме и пустоте, поэтому утром я не чувствовала себя выпавшейся, наоборот ещё более уставшей. Вещи были собраны, и я вышла с котомкой из домика, в моих руках пылала свеча. Я забросила её в домик, огонь сначала не поверил своему счастью, а потом занялся ковриком у входа, полом, перекинулся на шторы и скатерть. Я не знала, как смогла решиться на это... как я могла уничтожить то, что связывало меня с этим миром. Дом, что стал приютом для меня моей мамы и моей бабушки и возможно даже и прапрабабушки, теперь алел гигант-

ским огненным цветком, и мне было даже радостно, словно я мстила кому-то из своих родственников за то, что они подарили мне тьму, которая разрушила мое счастье. Дважды.

Я ушла, когда почти все догорело, я просто сидела на пенёчке и смотрела на огонь, поедавший мой дом, в полдень я ушла в ближайший к нашей деревеньке город, он был в паре часов езды от нас и звался Лисий Хуторок. Как рассказал мне владеющий местной таверной Проори то, что раньше это был скромный хуторок, где было много лисов, и сюда ездили на охоту. А позже город стал разрастаться, и лисов становилось все меньше. И сейчас их и вовсе уже нет, но город все равно так зовётся. Этот же Проори нашёл мне работку, когда я мило общалась с ним уж неделю подряд и намекала, что денёжки кончаются и было неплохо где-то подзаработать. Работа оказалась неплохой, а главное прибыльной, хотя поразила, что меня вообще взяли. Чистая случайность, что меня, деревенщину, взяли гувернанткой к барышне, впрочем, мне сказали, что гувернантки у неё не приживались, и так что возможно работа окажется не по мне. Но это было не так.

Работа мне понравилась и Оливия тоже. Она была яркой, живой и взбалмошной, она меня обучила, как делать причёски, как стирать, приводить в порядок вещи и многим ещё мелочам, необходимым в приличном обществе, а также этикету и всем тем штучкам. Полгода у неё, и я вышколенная гувернантка, сжегивающая улыбки в кулак от всех выкрутасов барской дочки. Оливия мне нравилась, и я ей тоже, и впер-

вые за долгое время её родители могли выдохнуть, потому что теперь у неё была верная подруга и соучастница, как со вздохом сообщила мне её мать барыня Шерпская. Мне снова подарили шанс на счастье, и я снова собиралась от него взять по полной, даже если в конце меня ожидал провал.

Глава 4. Мама

Я вышла из кареты и помогла спуститься Оливии, она брезгливо переступила через лужу, ровно перед которой стоял лакей и свысока поглядывал на неё.

– Посидишь в карете, как и договаривались, я недолго, – Оливия радостно подмигнула мне и, все также брезгливо поглядывая под ноги, пошла по ступеням вверх.

Я сидела в карете, как мне и было сказано, рассматривала дам и их кавалеров, отмечая красивые платья, украшения и искусные причёски. Вдруг среди гостей, поднимающихся по ступеням наверх, мелькнуло знакомое лицо. В голове пронеслось – МАМА?! Конечно же, я задней мыслью понимала, что мама никоим образом не могла здесь находиться, она погибла в тот день, когда родилась я, её могила находилась недалеко от той сгоревшей избушки, где мы жили с бабушкой. Мы часто носили туда цветы... И всё же это лицо я знала очень хорошо. На чердаке у бабули находился портрет, написанный её рукой, на нем внизу бережно было выведено «Мэриэнн» – полное имя моей мамы. Картина была хороша, на ней была изображена женщина, моя мама, смотрящаяся в зеркало, только вот в зеркале женщина смотрела в другую сторону и улыбалась даже по-другому, но бабушка говорила, что это она специально так нарисовала. Я верила ей.

Нежные тонкие черты, которые я разглядывала долгими

часами, веснушки на прямом, точёном носу, лукавые карие глаза и темно-рыжие волосы, которых мне так хотелось коснуться в детстве, да и сейчас. Я заучила эти черты наизусть, запечатлела в своей памяти, и эта женщина, проскользнувшая сейчас внутрь, была точно она, я была уверена в этом также хорошо, как в самой себе. Но как? Промелькнула предательская мысль о том, что, возможно, мама жива каким-то чудом...

Я вышла из кареты, мне нужен был воздух, я смотрела туда, где в темнеющем и становившемся холоднее воздухе сиял ярким светом проход на светский раут. Неужели и правда она? Неужели я?.. А если ошиблась? Я не могла... Я так разволновалась, что мне перестало хватать дыхания. Я ухватилась за край перил лестницы и начала дышать глубокими вдохами, но все равно в глазах как-то сгустилась тьма, и в ушах зашумело.

– Ох этой даме плохо! Ей плохо! – Словно сквозь вату проскользнули чьи-то слова. Я почувствовала сильные руки, подхватывающие меня и несущие куда-то. Голова словно пребывала в калейдоскопе.

– Вы в порядке? – Голос прорвался ко мне сквозь пелену, и я уставилась в золотые глаза, а затем вскрикнула и отстранилась. Да, эти глаза были красивы, но они были так похожи на мои...

– Спокойно, я не причиню вам вреда, – его голос был бархатным и очень приятным для слуха. Я обратила внимание

на обладателя этих глаз, я хотела вернуться к изучению его лица, но его руки, поднятые в успокаивающем жесте, привлекли моё внимание. Точнее, это пятно на ладони. Родимое.

– Нет-нет-нет, – я встала и отгородилась от него ладонями в таком же жесте, как и он. При чём сделала это не специально, но похоже взгляд мужчины упал на мою ладонь, также как и секунду до этого мой – на его.

– О нет, – мужчина шарахнулся от меня назад, покачав головой. Мы одновременно посмотрели друг на друга и хором закончили:

– Нееет.

– Чарльз, в чем дело? Что-то случилось? Мне сказали, ты тут.

Я оглянулась, мы были недалеко от входа в дом, там, где мне вдруг стало дурно, меня посадили на скамейку, напротив меня стоял странный мужчина, а к нам подошла та женщина... Та самая. Мама...

Женщина удивлённо покосилась на меня, а потом с усилием отвела взгляд. Кажется, я произнесла это вслух.

– Чарльз, идём, нас ждут.

– Ах да, конечно...

Мужчина устало потёр глаза, снова взглянув на свои руки, усмехнулся чему-то, когда женщина взяла его под руку. Они собирались уйти.

– Энн? – Я шагнула им вслед, пытаюсь в отчаянии использовать свой последний шанс, единственную ниточку.

– Боюсь, вы обознались, милочка, – проговорила женщина, окидывая меня оценивающим взглядом и поглядывая на своего кавалера. – Идём же, Чарльз.

Я осталась стоять в сумраке наступающей ночи, чувствуя, как ветер холодит застывшие слезы. Это было глупо, но это были, похоже, мои родители. По крайней мере отец точно, те же глаза и те же черты... Марлина сказала, что я очень похожа на него, но даже если это и можно было списать на совпадение, то родимое пятно. Он узнал его, и он понял, кто я... И это его не интересовало. Я даже не знала, что большее, не знать его столько лет или видеть, как он понимает, кто я, и всё же не хочет общаться со мной. А эта женщина... она так похожа на маму, но если бы она была ею, она не могла бы не узнать меня. И все же... она очень тревожно поглядывала на меня, словно все же что-то знала. Почему они так быстро сбежали...?

Я должна подойти ещё раз к ним. Мне нужен ещё один шанс.

Почти полвечера я проторчала у выхода, замёрзнув вконец. Оливия, даже если и сказала, что ненадолго, всё равно наверняка увлеклась кавалерами и танцами, так что я не беспокоилась об этом. Да и в случае чего она бы поняла меня. Мне улыбнулась удача, когда я совсем потеряла всякое терпение, и готова была уйти в карету, дверь приоткрылась и оттуда вышла Она. Она была одна и очень задумчива, она спустилась в парк и пошла по одной из мощёных дорожек. Я

шла за ней некоторое время и, наконец, окликнула:

– Подождите.

Женщина вздрогнула и с удивлением обернулась, и её лицо вмиг стало испуганным, едва она взглянула на меня. А я, подходя ближе, жадно разглядывала её черты. Не такие молодые, как на картине, но такие знакомые...

– Вы ошиблись, я же сказала Вам.

– Я так не думаю, Мэри. – В голове пронеслись тысячи мыслей, я сказала это наобум, просто доверившись своему чутью. Это была просто недостающая деталь мозаики, которая бы все прояснила. Женщина вздохнула и сторбилась, словно из неё вытащили внутренний стержень. Потупившись, она потянула меня за рукав к ближайшей скамейке и села. Я опустилась рядом.

– Вы – сестра моей мамы... – Поражённо прошептала я, рассматривая снова и снова эти черты, они недовольно кивнула, поджимая губы и разлаживая невидимые складки на подоле.

– Не просто сестра, сестра-близнец.

– И ваши имена... они одинаковые?

– Не совсем... – Мэри поморщилась, мне не нравилось видеть это недовольство на мамином лице, оно должно было улыбаться всегда. Ведь мамы всегда улыбаются, да? – Наша матушка считала, что это очень удачный каламбур. Она ждала одну дочь и назвала её Мэриэнн, а когда родилось двое, то она обоих так и назвала. Но всю жизнь мы живём под раз-

ными именами – Энн и Мэри. Никто даже и не в курсе мамино каламбура.

Она покачала головой.

– Но почему я о вас совсем ничего не слышала?

Кажется, эти слова оскорбили её, потому что лицо Мэри приобрело нахмуренный и грозный вид и, если честно, я немного испугалась. Мне совсем не хотелось её обижать.

– Спроси лучше у неё об этом сама.

– Я не могу, – просто ответила я, вдруг поняв, что она не знает... – Я не умею разговаривать с мёртвыми...

– Мёртвыми? – Голос моей родной тётки зазвенел и затих, грозный вид растворился, и на лице проступила боль. Боль и горечь, губы скривились, и из карих глаз градом полились слезы. Я тронула её за руку, не зная, как утешить её в этой потере. Она достала из кармана большой платок и, вытирая лицо, переспросила:

– Давно?

– Родами.

– О, Энн... О, моя дорогая Энн... мне так жаль... – Она порывисто взяла мою руку, её рука была тёплой и мягкой и заставила моё сердце биться так быстро. – Я... Я.. поссорилась с ней, когда в последний раз её видела... Это было очень давно, так давно... она тогда уехала, и я думала, что она поселилась где-нибудь, как наша матушка в глуши и живёт там, не зная прелестей и благ цивилизации О, боги, я не думала, что она... Я не успела с ней проститься... – Мэри

снова покачала головой в расстройстве. – Сколько тебе? Как тебя зовут?

– Аселия, мне восемнадцать.

– Красивое имя, – женщина через силу улыбнулась, сжимая мои руки. – Она всегда хотело так назвать дочь... ох... так жаль. Мы поссорились так давно, получается... за год до твоего рождения, значит, она... бедная... Но откуда тогда ты знаешь, как выглядит Энн?

Я улыбнулась ей:

– Портрет, у бабули на чердаке был ваш портрет. Странная картина, там была изображена очень красивая девушка, которая смотрится в зеркало и подпись была МэриЭнн, только я не сразу поняла, что имелись вы обе сразу.

– Ах да... Эта картина, матушка нарисовала её, прежде, чем её дочурки вылетели из гнезда, чтобы разлететься по всему миру. – Мне показалось, что в голосе Мэри прозвучала горечь. Она жалела, что покинула дом матери? – Подожди, ты сказала у бабули? Ты жила с нашей мамой?

– Да... После смерти моей мамы, у меня больше никого не осталось. Она воспитала меня, мы жили в том же доме, что и вы.

– А твой отец?

То есть она не знает? Или не догадывается?.. Я пожала плечами, решив умолчать о Чарльзе.

– Какой кошмар, бедный ребёнок... Мне тебя очень жаль, – все ещё всхлипывая, но все же уже не так сильно, ска-

зала Мэри. – Никогда не любила это место. Промозгло, сыро и древние отсталые людишки, считающие тебя ведьмой. Я так рада, что смогла выбраться отсюда.

– Мне там нравилось, – растерянно ответила я. Мои догадки о том, что Мэри жалела, что покинула родной дом, растаяли словно дым.

– Вся в мать. Энн... она обожала это место, так что несколько этому не удивлена. Как и тому, что с ребёнком она пришла туда, к маме.

– А Чарльз, он кто?

– Чарльз? – Удивлённо переспросила Мэри. – Ах, Чарльз, он мой муж... Да, муж... мы здесь проездом. Но больше я в этот город ни ногой, а то в следующий раз, чувствую, встречу маму здесь. А этого мне хотелось бы меньше всего на свете.

Мэри встала со скамейки, отряхивая платье, промокнула ещё раз глаза, и когда она закончила приводить себя в порядок, она встретилась взглядом со мной. Некоторое время мы просто молчали, а потом Мэри, отведя глаза, уточнила плаксивым голосом, в котором снова намечались слезы:

– Когда?

– Год назад...

Она снова села на скамейку, и её плечи затряслись от рыданий. Как можно жить в одном мире с родными и не знать, как они, и даже пропустить момент их ухода?

– Отчего?

– Просто пришло время.

– Она всегда отворила, что именно так всё и будет... – Сквозь всхлипывания проговорила Мэри, она улыбнулась мне и снова залилась слезами. Потом, поплавав некоторое время молча, я в это время гладила её по спине, она вдруг спросила:

– Осенью, да? – Я осторожно кивнула, – и Энн тоже да? – Я опять кивнула. – Это были самые ужасные две осени в моей жизни. Мне было очень плохо, но я совершенно не могла понять, в чем дело... Я все время плакала и была в таком подавленном состоянии...

Проплакавшись, Мэри встала и помогла встать мне. Она готовилась попрощаться. Мне было горько от этого... мне хотелось узнать больше. О ней, о маме... о Чарльзе.

– Мне жаль, я не могу приютить тебя, мы и сами кочуем из города в город, да и Чарльз... Он знал Энн, – тётя отвела глаза, – и они не ладили, совсем не ладили, так что вряд ли он согласится взять тебя к себе.

Если же они не ладили, как появилась я?..

– Ничего, – я улыбнулась и сжала её тёплую веснушчатую руку, – у меня тут работа, есть где жить, в этом нет необходимости.

– Я рада, что познакомилась с тобой, и я рада, что у тебя все в порядке. Но мне нужно...

Над парком раздался зычный крик, заставивший нас обеих вздрогнуть:

– Мэри!

– Собственно, о чём я и говорила, – она закатила глаза. – Чарльз меня будет искать, так что давай сохраним втайне наше знакомство, дорогая. Мне нужно идти.

Она порывисто обняла меня и, огладив напоследок по щеке, скрылась дальше по аллее. На какое-то время мы стали близки с ней, словно я нашла ниточку, что вела к моему рождению и снова потеряла. Ах... сколько вопросов мне ещё нужно задать! Может быть, она знала, кого любила моя мама? Где она жила? Что любила? Её друзья? И... была ли она тёмной?

Глава 5. Тьма

В полутьме я нашла нашу с Оливией карету, и не прошло и пяти минут, как она вернулась с Зоуи, её закадычной подругой. Весь путь до дома Оливии они проболтали, а я и не смела вставить и слова в барский диалог. Дома же все завертелось и лишь перед сном, поймав Оливию в библиотеке, я села к ней и рассказала, что произошло. Как я и ожидала, Оливия с готовностью выслушала меня, вздыхая, пуская слезу и всплёскивая руками, она всегда очень эмоционально реагировала на такие новости. И мне нравилось это.

Закончив рассказ, я выдохнула, рассматривая лицо Оливии. Она молчала, а когда подняла глаза, они были тревожны. За дверью раздался шум, и мы обе вздрогнули.

– Говори тише, – посоветовала я. – Вечно там Сония ходит, под дверями подслушивает.

– Моя б воля, давно эту сплетницу вышвырнула, – произнесла дежурную фразу Оливия, однако в её голосе не было энтузиазма, что-то сильно тревожило её. – Если мы говорим об одних и тех же людях, то это Мэри и Чарльз Роцки... Рыженькая такая? – Я кивнула, Оливия отвернулась на мгновение от меня. – Не связывайся с этим людьми, Аселия, лучше не надо. Не ищи с ними ни связи, ни родства. Они плохие люди. Они замешаны во многих темных и грязных делах. Они мошенники и обманщики...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.